

Литературныя новости.

(Изъ сборника Т-ва „Знаніе“, кн. 36 и „Рус. Бог. № 9).

Въ „Сборникъ т-ва „Знаніе““ продолжаетъ печатаніе „Матвѣя Кожемякина“ М. Горькаго. По своимъ размѣрамъ, это едва ли не самое крупное произведеніе талантливаго автора. И странно, что оно проходитъ почти незамѣченнымъ, не возбудило къ себѣ ни въ публикѣ, ни въ печати никакого вниманія, хотя вѣдь написано оно не новичкомъ, а прославленнымъ писателемъ.

Чѣмъ же объяснить равнодушіе и публики и критики къ большому произведенію М. Горькаго?

Когда начинаешь читать его, оно производитъ хорошее впечатлѣніе. Съ внѣшней стороны написано оно прекрасно. Фигуры, выступающія въ повѣсти, рисуются живо, ярко, описанія всюду великолѣпны. Видно, что произведеніе написано большимъ мастеромъ слова. И фигуры, на первый взглядъ, представляются правильными, потому что вѣдь Горькій большой наблюдатель и большой мастеръ изображенія, живописецъ слова.

Но затѣмъ, когда вы продолжаете чтеніе повѣсти, она все меньше и меньше увлекаетъ васъ. Читатель все больше чувствуетъ, что и Кожемякинъ, и Максимъ, и Горюшина, и другія лица произведенія не интересны становятся ему, потому что не интересны они собственно и автору. Онъ интересуется ими не какъ лицами, а какъ маріонетками для повѣсти, рисующей демократическое пробужденіе Россіи.

Какъ искусный мастеръ, онъ, конечно, придаетъ имъ всѣ человѣческія свойства: они и къ правдѣ стремятся, и любятъ, и ненавидятъ; но такъ какъ они все-таки не люди, а маріонетки, то ихъ личныя переживанія мало трогаютъ читателя. Напр., когда Максимъ и Горюшина вступаютъ въ связь, то читатель немножко и удивляется: какъ-то не идетъ это къ гуттаперчивымъ фигурамъ, какъ бы онѣ ни были похожи на людей.

И прежде у М. Горькаго было стремленіе къ „выдумкѣ“. Сильно окрашены „выдумкой“ и такія его яркія фигуры, какъ Челкашъ, Емельянъ Пилай и др. Но эта „выдумка“ не бросается такъ ярко въ глаза въ мелкихъ рассказахъ, какъ въ его большихъ произведеніяхъ, особенно послѣдняго времени, все больше теряющихъ живой психологическій интересъ, несмотря на совершенство внѣшности, какого достигъ теперь авторъ. Все больше начинаютъ они походять на повѣсти Михайлова-Шеллера, хотя и усовершенствованныя, съ художественной внѣшностью.

Какъ въ „Исповѣди“, такъ и въ „Матвѣя Кожемякинъ“, М. Горькій прибѣгаетъ къ формѣ разсказа отъ даннаго лица, къ формѣ записокъ. Авторъ придаетъ этимъ запискамъ характеръ наивной, простой торжественности, мастерски выдержанный, но который, въ концѣ концовъ, производитъ впечатлѣніе искусственности дѣланности.

М. Горькій крупная индивидуальность, и въ хорошемъ и въ ложномъ онъ оказываетъ сильное вліяніе на другихъ. Вліянію его демократическихъ повѣстей подчинились многіе авторы, пишущіе въ сборникахъ „Знанія“, между прочимъ, и г. Гусевъ-Оренбургскій, обладающій самостоятельнымъ талантомъ. Въ данной книжкѣ „Знанія“ напечатанъ разсказъ г. Шмелева: „Человѣкъ изъ ресторана“, въ которомъ съ большою точностью скопированы литературныя приемы М. Горькаго, но, конечно, съ меньшимъ блескомъ и талантливостью, съ еще большей „выдумкой“. Это уже вполне Михайловъ-Шеллеръ.

Вотъ и г. Крюковъ въ „Рус. Бог.“ тоже пишетъ демократическіе разсказы, но они совсѣмъ другого рода: они полны жизнью, дѣйствительностью. Какъ прелестенъ, напр., его небольшой разсказъ: „Счастье“, напечатанный въ 9-й книжкѣ „Рус. Бог.“

Здѣсь выступаетъ молодой казакъ Сергунка, пишущій самоучкой стихи и полный стремленіемъ къ какой-то лучшей жизни, смутно рисуемой ему, за которую онъ готовъ и пострадать. Онъ написалъ сатиру на атамана, военнаго писаря и другихъ начальствующихъ лицъ станицы. И вотъ у него производятъ обыскъ, при которомъ находятъ книгу съ надписью: „Станичный социалистъ Сергѣй Безпятовъ“, о чемъ докладываютъ генералу, который сажаетъ „станичнаго социалиста“ въ холодную, грозя высылкой въ Якутскую область.

Но, сидя въ холодной, Сергѣй Безпятовъ не чувствуетъ себя несчастнымъ, а совсѣмъ напротивъ. „Сергѣй Безпятовъ терпѣлъ за правду, за слово свободное, смѣлое, и вотъ оно счастье, счастье тернистое, скорбное и возвышенное, городое счастье борцовъ: безъ надежды на близкую побѣду... Ихъ длинный, величавый рядъ теряется въ туманѣ вѣковъ. Пѣть доблестнѣй арміи и нѣтъ почетнѣе! И вотъ, въ ея рядахъ, идетъ теперь и онъ, Сергѣй Безпятовъ, безвѣстный, маленькій и темный обыватель невѣдомаго, глухого уголка земли родной“ ...

Чувствуется въ разсказѣ г. Крюкова связь души этого казака-самоучки съ душами многихъ самоотверженныхъ людей въ Россіи, не удовлетворяющихся окружающей ихъ мелкой дѣйствительностью. И герой его разсказа не маріонетка, а живое лицо, представляющее интересъ само по себѣ, помимо намѣреній автора.

А. У—скій.